

других балканских городов. В Афинах, в частности, была разорена митрополия, находившаяся в Парфеноне, и опустошена библиотека, которую годами собирал брат Никиты Хониата митрополит Афинский Михаил. В одном из писем Михаил жалуется епископу Эврипскому Феодору: «Тебе известно, что я привез с собой немало книг из Константинополя в Афины, да и там еще приобретал новые. И не представлял я никогда, для кого собираю эти сокровища. Да и могло ли мне, несчастному, на ум прийти, что я делаю это не для своих соплеменников, а для италийских варваров: ведь они не в состоянии ни читать в подлиннике эти творения, ни разуметь их с помощью перевода. Скорее ослы постигнут гармонию музыки и скорее навозные жуки станут наслаждаться благовонием мирт, чем латиняне проникнутся очарованием красноречия» (*Mich. Chon.* II. P. 295). Такое суждение было характерно для образованного грека в эпоху завоевания.

Завоевание, осознанное как глубокое социальное и культурное несчастье, сразу же вызвало «исход» из многих захваченных городов. Из Константинополя в первую очередь уходили люди состоятельные, принадлежащие к высшей административной и церковной верхушке империи. Жители окрестных деревень встречали их с презрением и ненавистью, видя унижение гордой константинопольской знати, повинной в бедствиях, постигших империю (*Nic. Chon. Hist.* P. 587—591, 593—594, 644—645). Постепенно город стали покидать и другие категории населения, чему способствовала религиозная и экономическая политика завоевателей. Вынужденная миграция укрепляла очаги сопротивления латинянам и была опасна для их господства. Дело в том, что после взятия Константинополя количество крестоносцев едва ли значительно превышало 50 тыс. человек, среди которых было лишь несколько тысяч рыцарей⁷. В Адрианопольской битве 14 апреля 1205 г., когда войска Латинской империи были разгромлены болгарами, крестоносцы потеряли, по оценке Виллардуэна, 7 тыс. человек⁸. И императору Балдуину I (взятому в плен и погибшему там) и тем более его преемнику Генриху I было ясно, что рассчитывать на захват всех византийских земель с такими силами не приходится. А надежды на приток с Запада и из латинской Сирии воинов, клириков и колонистов не оправдывались. Так, например, по подсчетам Д. Якоби, в Морее ок. 1205 г. насчитывалось всего ок. 450, а к 1338 г. — 100 рыцарей. В Афинах в конце XIV в. было лишь несколько сотен «франков»⁹. Венецианская колонизация, как и генуэзская, в основном носила торговый {18} характер. В ней участвовало довольно ограниченное число людей, оседавших на постоянное жительство в колониях и факториях. Наиболее интенсивно осуществлялась военная колонизация Крита: к 1211 г. на острове было 1080, к 1252 г. — немногим более 2000 коренных венецианцев, к концу XV в. — 7000. В целом, по данным Ф. Тирье, возможно даже несколько завышенным, на Ионических островах и Корфу венецианцы составляли половину населения, или 1—1,5 тыс. человек, в Короне и Модоне — 10 тыс. (включая и «натурализованных» венецианцев, т. е. местных жителей, получивших венецианские привилегии), в Константинополе — 2 тыс. человек, в Тане и Трапезунде — 800. В середине XIV — середине XV в. в Венецианской Романии жило около 20 тыс. западноевропейцев¹⁰.

Подобной же была картина и в Генуэзской Романии. Несколько большим, от 25 до 30 тыс. человек, было латинское, в XIII—XIV вв. преимущественно французское, население Кипра. Но и там оно не превышало четверти всего населения острова¹¹.

Малочисленность завоевателей делала их господство непрочным. В условиях, когда создавались очаги сопротивления их власти, в Малой Азии и на Балканах образовывались греческие государства, объявлявшие себя наследниками Византии, латинские правители должны были идти на уступки: поддерживать и консервировать старые общественные отношения, временами смягчать религиозный гнет и все шире привлекать к сотрудничеству греческих архонтов, включая их в новый господствующий класс в качестве его особого слоя. Там, где устойчи-

⁷ Carile A. Movimenti di popolazione e colonizzazione occidentale in Romania nel XIII secolo alla luce della composizione dell' esercito crociato nel 1204 // *BF.* 1979. Bd. 7. P. 5—22; Hendrickx B. A propos du nombre des troupes de la IVème Croisade et de l'empereur Baudouin I // *Byzantina.* 1971. T. 3.

⁸ Villehardouin G. de. Op. cit. § 376.

⁹ Jacoby D. Recherches sur la Méditerranée orientale du XIIe au XVe siècle. L., 1979. N 1. P. 20—21.

¹⁰ Thiriet F. Recherches sur le nombre des «Latins» immigrés en Romanie Gréco-Vénitienne aux XIIIe—XIVe siècles // *Byzance et les Slaves.* P., 1979. P. 421—436.

¹¹ Rudt de Collenberg W. H. Le déclin de la société franque de Chypre entre 1350 et 1450 // *Κυπριακά; Σπουδαί.* 1982. T. 46. P. 76.